

SIERGIEJ STRUNIEC

(Brześć)

»КРЕСЫ ВСХОДНИЕ«: СОБЫТИЯ ОСЕНИ 1939 Г. В ПОЛЬСКИХ И СОВЕТСКИХ ИСТОЧНИКАХ

В последние годы события 1939–1941 гг. на территории бывших северо-восточных воеводств II Речи Посполитой не перестают быть предметом активного внимания польской, белорусской исторической науки, ряда ведущих историков Израиля, США и других стран. Изучение этого периода вышло на уровень детализации, что стало возможным благодаря введению в научный оборот широкого круга источников. Большое значение среди них приобрели реляции и воспоминания поляков, проживавших на территории восточных воеводств Польши в момент начала Второй мировой войны, а также отчёты и сообщения представительств польского правительства в СССР, действовавших после подписания договора „Сикорский – Майский”. Значительную часть этих материалов составили обобщённые данные о свидетельствах польских граждан, депортированных с территории бывших восточных воеводств II РП [16, 12].

Данные документы в основном отразили результаты политики советской власти и, в особенности, формы и методы проведения избирательных кампаний и репрессивных акций. Инициатива сбора реляций принадлежала представителю польского правительства в СССР профессору С. Коту. По его же предложению в конце 1942 – начале 1943 гг. в польской армии на востоке начался массовый опрос личного состава и всех тех, кому удалось покинуть территорию Советского Союза с воинскими частями. В основу опроса была положена анкета со следующими вопросами:

1. Личные данные (фамилия, имя, должность, возраст, профессия, социальное положение).
- 2а. Место рождения. Последнее место постоянного проживания до сентября 1939 г.
- 2б. Место жительства в Польше в сентябре 1939 г., в другие месяцы до момента ареста (интернирования, депортации, взятия в плен).
- 3а. Вторжение Красной Армии и её поведение.
- 3б. Кто, по чьему приказу и как взял власть сразу после вторжения. Распоряжения этих властей, репрессии, грабежи, обыски, аресты, расстрелы, конфискации.
4. Взятие власти советской администрацией. Её экономические, политические распоряжения. Репрессии, грабежи, обыски, аресты, расстрелы, конфискации, убийства.
5. Выборы. Каким образом они были заявлены. Предвыборная агитация. Способы агитации. Принудительные собрания и митинги. Говорилось ли о цели выборов. Были ли, если да, то каким образом составлялись списки избирателей. Можно ли было не голосовать? Кто должен был голосовать? Как были организованы выборы? Каких кандидатов выдвигали Народные Собрания Западной Украины и Западной Белоруссии? Состав избирательных комиссий. Как проходило голосование [12, 6-7].

Опрашиваемым предлагалось отдельно осветить потери свои и своей семьи, описать случаи дискриминации поляков в своём населённом пункте или местности. Анкета представляет собой отпечатанные на пишущей машинке ответы и, как правило, не превышает страницу формата А5. Весь комплекс документов находится в Институте Гувера (Стэнфорд). В начале 1990-х гг. начался процесс передачи этих документов (копий) польским научно-исследовательским учреждениям.

Данный вид источников обладает рядом положительных черт. Прежде всего, это массовый источник (было заполнено несколько тысяч анкет), содержащий богатый фактический материал. Сбор данных производился по территориальному принципу, есть сведения практически по каждому повету. Кроме того, сбор сведений проходил спустя относительно короткий временной отрезок, что также способствовало фактологической насыщенности ответов.

К недостаткам следует отнести определенную политическую заданность данной группы источников. Вопросы анкеты были составлены таким образом, что внимание опрашиваемых фокусировалось лишь на отдельных

событиях и процессах, которые вызвали наиболее резкую реакцию польского населения. Кроме того, в такой форме собранная информация скорее напоминала обвинительный акт по факту советской агрессии, а не попытку максимально объективной реконструкции ситуации (что вероятно было мало реально в той конкретно исторической ситуации и при неоднозначном характере польско-советских отношений в ходе Второй мировой войны). Другим существенным недостатком реляций является то, что их авторы – это, как правило, жертвы депортаций зимы – лета 1940 года. Таким образом, они не имели возможности наблюдать развитие ситуации в течение 12 из 29 месяцев советского пребывания в регионе.

Отмеченная специфика характерна и для огромного массива воспоминаний очевидцев событий, записанных в разное время в послевоенный период. Их авторы во время описываемых событий были ещё детьми. Соответственно можно предположить, что одни моменты стёрлись в памяти, другие были восприняты слишком эмоционально.

Авторы реляций и воспоминаний – это в своем большинстве наиболее пострадавшая от советской власти часть населения западных областей БССР и УССР. Кроме того, на степень объективности этой группы повлияли страх, паника, ожидание преследований и ужесточения политики советской власти, а также страдания в период депортаций и пребывания во внутренних районах СССР.

Так, практически все очевидцы рассматриваемых событий отмечают момент вторжения Красной Армии на территорию Польши. Это явилось полной неожиданностью для большинства поляков. К тому же сознание людей в это время было полностью поглощено ходом войны Германии против Польши и возможностью открытия второго фронта Англией и Францией.

„Я нахожусь на улице. Оживление гораздо выше, чем 1 сентября. Люди выбежали из домов не только для того, чтобы что-то узнать, убедиться в новом несчастье, летящем на страну, но и чтобы словами, жестами, криком, бессильным плачем выразить сдавливающее грудь возмущение... Позже оно у одних перерастает в беспокойство, желание к бегству, у других – стремление к действию, к активной борьбе. Чувствуется отсутствие направляющей мысли, ослабление внутренней дисциплины. Даже костёлы пусты” [14, 19]. „Советское вторжение стало для нас совершенной неожиданностью. Было известно, что Советская Россия провела мобилизацию приграничных округов, однако это рассматривалось как средство безопасности в связи с приближением немцев к советской границе” [15, Dokument nr 10, 27].

Информационный голод, характерный для любого военного конфликта в целом, и отсутствие достоверной информации о целях советского наступления привели к полной дезориентации польского населения. Необходимо отметить, что большинство поляков, в силу сложившегося стереотипа СССР, ничего хорошего от прихода советских войск не ожидали. Однако советское пропагандистское обеспечение освободительного похода и нежелание поляков верить в окончательный крах своей страны привели к тому, что среди населения региона достаточно широкое распространение получили надежды на то, что Красная Армия вошла на территорию Польши с целью помочь Войску Польскому в борьбе с вермахтом.

„17 IX 1939 пришло известие о том, что немецкие части отступают, а границу перешла советская армия. По началу я был в растерянности, продолжать ли борьбу, так как были слухи о том, что советские войска идут нам на помощь...” [15, Dokument nr 17, 50].

„Известие о переходе польской границы советской армией мы получили утром 17 IX 1939 по радио (...), характерно, что пожилой сержант Урбан говорил об этом как о «ноже в спину» (...) в то время как молодые офицеры придерживались мнения о том, что Советы идут нам на помощь” [15, Dokument nr 24, 85].

Органы государственной власти, польская армия оказались полностью неготовыми к новому повороту событий и не смогли как-либо сориентировать своих соотечественников в сложившейся ситуации. В силу исторического разделения социальных ролей в регионе, польское население представляло своего рода привилегированный этнокласс, который наиболее остро воспринял изменение ситуации. На фоне резкой активизации представителей национальных меньшинств поляки оказались предоставлены сами себе и, за исключением районов сосредоточения частей польской армии и корпуса охраны пограничья, подвергались нападениям со стороны многочисленных вооружённых формирований, наводнивших регион в этот период и зачастую не имевших каких-либо политических целей, а только банальный грабеж. Данное обстоятельство, а именно агрессия со стороны бывших соотечественников, с точки зрения поляков, привыкших за почти двадцатилетний период к безусловному доминированию, была совершенно необоснованной, в лучшем случае целиком неадекватной. Это, в свою очередь, усиливало чувства отчуждения и враждебности окружения у польского населения.

Так, очевидцы вспоминают, что в Ломже: „... ещё до вторжения Красной Армии местные коммунисты-евреи создали революционный комитет и во

время прихода Красной Армии приветствовали её, жестоко издевались над нашими солдатами и гражданским населением. Были созданы комитет и полиция, куда вошли, в основном, одни евреи” [2, relacja nr 1932].

В Граеве евреи встречали Красную Армию хлебом и солью [3, relacja nr 7895].

В Пинске за день до прихода Красной Армии был создан коммунистический комитет, установивший триумфальную арку и организовавший встречу Красной Армии. В состав комитета, по мнению автора реляции, входили в основном евреи [5, relacja nr 7447].

На территории Виленского воеводства наблюдалась следующая картина: „В м. Шарковщина евреи надели красные повязки, нападали на участки польской полиции. После захвата оружия евреи ходили с ним по улицам, а другие с цветами ждали прихода Красной Армии” [1, relacja nr 2121].

В большинстве реляций отмечается, что евреи не выступали самостоятельно. Они, как правило, действовали совместно с представителями других национальных меньшинств II РП – белорусами, реже украинцами. Делается акцент на то, что евреи действовали совместно с криминальными, маргинальными и антигосударственными элементами [9, relacja nr 6881; 8, relacja nr 2542].

Авторы реляций утверждают, что деятельность этих комитетов носила ярко выраженный антипольский характер. Зачастую представители самопровозглашённых институтов власти называются инициаторами убийств, обысков, грабежей поляков. Как ответ на подобные явления, организованные остатки польской армии проводили акты возмездия в отношении тех, кто был задействован или заподозрен в просоветских акциях. Очевидцы событий вспоминают: „Передвигаемся по восставшему краю. Как репрессии против нападений сжигаем целые деревни и массово расстреливаем вооружённое население” [10, 137]. „Войска шли по взбунтовавшейся территории, перед оградами польских осад лежали трупы мужчин, женщин, детей. Целые колонии стояли покинутые, со сломанными дверями, разгромленными хозяйственными постройками. Днём над горизонтом поднимались столбы дыма от уничтожающего польское имущество огня... Дорога армии обгалялась приговорами чрезвычайных судов, уничтожением захваченных вооружённых деревень” [11, Dokument nr 507, 508, 942, 943].

Вопрос о том, какие причины, социальные или национальные, доминировали в разыгравшемся на начальном периоде установления советской власти конфликте, остается открытым. Интересен тот факт, что

распространенный стереотип еврея как главного врага польского народа несколько не соответствовал накалу ситуации в городе, где проживало польское и еврейское население с ситуацией на селе с польскими и другими славянскими жителями. Как раз в городах конфликты протекали в гораздо более мягких формах чем в деревне, где убийства и грабежи осадников, шляхты (т.е. элемента совершенно определенно идентифицирующего себя с польским народом) совершались гораздо чаще чем в крупных населенных пунктах. Вероятно, конфликт с евреями (особенно после усилившейся социальной конкуренции, начиная с осени 1940 года) полякам было легче и удобнее рассматривать в национальных категориях, в силу очевидных этнических различий. На селе же этнический фактор не просматривался так четко. Особенно в последние годы существования II РП много было сделано для нивелировки этих различий. Поэтому при низком уровне самоидентификации и схожести диалектов, что особенно характерно для пограничья, главным признаком этнической идентификации оставалась религиозная принадлежность. Как известно конфликт по вектору „католики – православные” отмечен не был. Используя марксистскую фразеологию, можно сказать, что удар был нанесен по эксплуататорской верхушке, а этническая принадлежность жертв была обусловлена историческими особенностями развития региона, а не национальными предпочтениями нападавших.

Всплеск социальной, национальной напряженности, бытовой преступности, характерный для первых дней после начала освободительного похода, привели к тому, что многие поляки рассматривали приход частей Красной Армии в населенный пункт как фактор стабилизации и прекращения бесчинств, несмотря на общее отрицательное отношение к советскому режиму.

„До прихода Красной Армии сельское население убивало и издевалось над польскими осадниками. С приходом Красной Армии убийства прекратились” [6, relacja nr 9305]. „В окрестностях действовали немногочисленные коммунистические банды, которые грабили и убивали польских солдат. Всё успокоилось после прихода Красной Армии” [7, relacja ppnr 1142, 674; 1, relacja nr 9027].

Однако другие польские источники отмечают, что начало целенаправленной организации политики государственного террора против поляков началось именно после занятия населенного пункта Красной Армией при активной поддержке и содействии непольских национальных групп.

„В Пружанах Красная Армия провоцировала и спокойно наблюдала, как местное население грабило и убивало поляков” [7, relacja nr 5497]; „...после

занятия города Красной армией начались обыски и аресты поляков, избияения и издевательства во время следствия...” [4, relacja nr 1294]. „Однажды, около 25 сентября, была слышна сильная стрельба. Как мы потом узнали, было расстреляно 33 офицера... В то время стрельба была обычным явлением, так как у местной молодёжи было много оружия, она упражнялась в стрельбе. Примерно в это же время наш дом был окружён НКВД и вооруженной местной молодёжью с повязками на рукавах. Был проведён обыск, спрашивали об офицерах и арестовали отца, которого вскоре отпустили. То же самое повторилось 3 X 1939 г., отца снова арестовали. На этот раз он не вернулся, и все его следы теряются...” [16, 98-99].

При этом советская политика далеко не ограничивалась чисто репрессивными мерами по наведению порядка, а всё более затрагивала все стороны общественной, политической и экономической жизни. По мере стабилизации обстановки экономический момент становился доминирующим.

„... перед магазинами тянутся длинные очереди. Население в предчувствии грядущего недостатка скупает всё, что есть в магазинах. Продавцы наспех продают по старым ценам товары, лишь бы только избавиться от них. В очередях стоят гродненчане, крестьяне из близлежащих и далёких деревень и массы красноармейцев и других советских граждан...” [14, 34]; „... жителям нашего города всё тяжелей. Начали продавать свои вещи на рынке, называемом сейчас «толкучкой» ... Торгуют здесь и простые люди, и интеллигенция. Покупают главным образом красноармейцы и их семьи...” [13, 33].

В реляциях отмечены многочисленные факты уничтожения символов польской государственности: национальной символики, скульптурных памятников, переименований улиц, гонений на католический костёл, авторы реляций особо подчеркивали потерю польским языком статуса государственного.

Особое внимание уделено ходу выборов в Народные собрания Западной Беларуси и Западной Украины. Именно решения этих институтов представительной власти сделали легитимными все произошедшие события на территории byłych wschodnich „кресов всходних” после 17 сентября 1939 г. Принимая во внимание всю серьёзность формирования Народных собраний, новые власти разработали детальные инструкции по проведению избирательной кампании. В воспоминаниях поляков процедура выборов отразилась следующим образом: предвыборная кампания началась с принудительных собраний и митингов [8, relacja nr nr1651, 3946],

которые приходилось посещать под угрозой потери работы, применения оружия или прямого физического насилия [8, relacja nr 7951]. Указывается, что кандидаты, как правило, были неизвестны избирателям и являлись ставленниками новых властей [8, relacja nr 4291], а в бюллетене зачастую значилась только одна фамилия [8, relacja nr 1604, 4343, 5373]. Состав избирательных комиссий определялся как: „НКВД и местные” [8, relacja nr 7683, 3578], „украинцы, евреи, люди, которые при Польше сидели в тюрьме” [8, relacja nr 1604], „местные коммунисты и советский функционер”, „в основном неизвестные люди, назначенные НКВД” [8, relacja nr 1651], „в основном евреи и белорусы” [8, relacja nr 1504].

Практически во всех реляциях отмечается принудительный характер голосования. „Выборы начались ещё до восхода солнца в 5.00” [8, relacja nr 2750]. „Милиция ходила по домам и, сверяясь со списками избирателей, интересовалась – проголосовал гражданин или нет” [8, relacja nr 9037]. „По этим же спискам, составленным местными просоветскими активистами, затем проводились аресты тех, кто не проголосовал” [8, relacja nr 10689, 3578]. Среди самых распространённых нарушений в ходе выборов отмечались следующие: член комиссии или сотрудник НКВД внимательно следил за тем, какие отметки делал избиратель в бюллетене, т. е. был нарушен принцип тайного голосования [8, relacja nr 1504, 1741, 2750, 4327]. „Голосующего отмечали в списке, после чего он получал бюллетень, на котором был номер, соответствовавший номеру избирателя в списке избирателей” [8, relacja nr 1604]. Зачастую люди не пользовались кабинками для голосования из-за опасности, что это будет воспринято как враждебное отношение к новой власти [8, relacja nr 10191, 2969].

Безусловно, это самые общие моменты, которые во многом по конъюнктурным соображениям выделены составителями этих документов. Однако они позволяют достаточно достоверно восстановить общее восприятие событий того времени представителями нации, утратившей свое привилегированное социальное и экономическое положение. Общациональная трагедия, потеря государственности, дополнились личной трагедией каждого поляка в отдельности: утратой довоенного статуса, нередко потерей средств к существованию, гибелью, арестами, депортациями близких, что в силу тотальности действий советской администрации коснулось едва ли не каждого поляка этого региона и, в свою очередь, стало трагедией всего народа.

События, происходившие на территории северо-восточных воеводств II Речи Посполитой, нашли своё отражение в документах различных со-

ветских военных и гражданских институтов и учреждений. Это, в первую очередь, донесения политических и особых отделов частей и соединений Белорусского фронта, действовавших в регионе в течение почти всей осени 1939 г. Кроме описания морально-политической обстановки в войсках, значительное место в этих материалах уделялось характеру взаимоотношений между армией и местным населением, общей ситуации на занятой территории. Аналогичны по содержанию и спецсообщения органов НКВД, деятельность которых развертывалась практически сразу после занятия территории частями РККА.

Информация для подобного рода отчётов собиралась регулярно с момента начала работы соответствующей структуры НКВД; сообщения охватывали практически все сферы жизни общества Западной Беларуси, данные собирались по всей территории региона, что позволяет рассматривать ситуацию в целом по западным областям БССР, Информация обладает достаточной достоверностью. Однако необходимо учитывать, что органы госбезопасности получали первичную информацию от штатных и добровольных информаторов, поэтому нельзя исключать, что посредством подобных „сигналов” сводились личные счёты. Для органов НКВД характерно акцентирование внимания на наличии антисоветских настроений в обществе, тогда как лояльное отношение граждан фиксировалось гораздо реже. Полнота документа зависела от характера документа: он мог быть общего характера (регулярная информационная сводка, подготовленная на основе обобщения информации отделов НКВД районов или областей) или тематический, т. е. по конкретному вопросу, как правило, о какой-либо политической кампании.

Это уникальный комплекс источников, в ходе изучения которого следует принимать во внимание следующее:

- информация собиралась регулярно на протяжении всего периода с 1939 по 1941 гг.;
- собранные сведения охватывают практически все сферы жизни общества Западной Беларуси; rowtor
- данные собирались во всех районах Западной Беларуси и поэтому позволяют рассматривать ситуацию в целом по региону.

Характеризуя степень достоверности, нужно учитывать несколько моментов:

1. Для органов НКВД характерно акцентирование внимания на наличие антисоветских настроений в обществе, тогда как лояльное отношение к советской власти фиксируется в их документах гораздо реже, что

не позволяет определить соотношение позитивных и негативных реакций из этих документов.

2. В органы НКВД первичная информация поступала от штатных агентов и добровольных информаторов. Сообщения последних, официально именуемые „сигналами”, иногда были просто средством сведения личных счетов – тривиальным доносом. Запланированные преднамеренные „чистки” общества, требовавшие количественных показателей для отчётности, а также желание со стороны агентов получить поощрение подталкивали филёров НКВД на путь подтасовки фактов. Не исключено, что сами сотрудники НКВД ориентировали агентов на утрирование собранных данных, преувеличение негатива в словах обывателей. Работая с подобными материалами, сложно установить, насколько точно передавались высказывания „политически неблагонадёжных граждан” и какова степень искажения информации.
3. Несмотря на все усилия органов НКВД, было невозможно выявить всех „инакомыслящих”, взять под контроль всё население. Оставалась значительная часть „безмолствующих” – людей, скрывавших свои истинные эмоции и суждения. Кроме того, далеко не вся информация об антисоветских настроениях доходила до соответствующих инстанций.
4. На сегодняшний день для исследователей доступна только часть документов органов НКВД – спецсообщения и докладные записки, адресованные партийному руководству западных областей. В них информация подана уже в обобщённом виде и приводятся высказывания граждан, вырванные из контекста. Хотя сотрудники НКВД избегали делать выводы и анализировать ситуацию, ограничиваясь только констатацией фактов, цель их работы достаточно очевидна – указать на наличие контингента недовольных мероприятиями советской власти, активизировать действия партийных органов, направленные на устранение этого явления. Оперативные материалы НКВД до сих пор находятся в спецхранах КГБ, что не позволяет сравнить внутреннюю документацию НКВД. Nie są dostępne dla badaczy...

В ходе использования такого сложного и противоречивого источника, как материалы НКВД, перед исследователями неизбежно встанут два основных вопроса:

1. Являются ли негативная реакция на политику советской власти „правилом” (была ли она характерна для большинства населения) или „исключением” (т.е. присуща отдельным группам).
2. Насколько пропорционально зафиксированные органами НКВД высказывания отражают действительные настроения всего общества (крестьян, рабочих, служащих). [Еленская ...]

Анализ ситуации содержался также и в отчётах партийных и советских органов, формирование которых активно велось в течение всей осени 1939 г. и действовавших в течении всего периода осени 1939 – лета 1941 года.

В советских источниках фиксировались процессы, аналогичные тем, о которых шла речь в воспоминаниях и реляциях поляков. При этом в некоторых случаях можно говорить о совпадении в оценках событий польской и советской стороной. Если сам факт падения Польши и установления советской власти в Западной Беларуси расценивался в советских документах однозначно положительно, то многие сопутствовавшие этому процессы вызвали у советского руководства озабоченность, а иногда и отрицательную реакцию.

Так, особые отделы различных подразделений Белорусского фронта регулярно фиксировали противоправные действия военнослужащих по отношению к местному населению (главным образом полякам): грабежи, насилия, издевательства, унижения и др. [18, лл. 223–227; 19; лл. 5–23]. То же самое можно сказать и в отношении деятельности таких временных просоветских институтов власти, как крестьянские комитеты, рабочая милиция и др. Советские правоохранительные органы отмечали, что члены данных структур в некоторых местах устраивают самосуды, производят незаконные обыски, аресты, присваивают имущества жертв [20, лл. 75–77]. Разница заключалась лишь в том, что поляки воспринимали эти события как проявления продуманной антипольской политики, советская сторона – как преступления, порочащие новую народную власть, которые необходимо пресекать самыми суровыми методами. В качестве примера можно привести приказ по 4-й армии Белорусского фронта, адресованный военным комиссарам, начальникам политических управлений отдельных частей армии, председателям временных управлений: „Категорически запрещается брать у населения что-либо из продуктов питания, фуража и проч. под расписки. При покупках производить расчёт только наличными деньгами. Установить и предать суду виновных, нарушивших такой порядок” [21, л. 2].

Очевидно, что главной задачей любого командования является недопущение деморализации и разложения армии. Факты нарушения воинской дисциплины в период боевых действий, характерны для вооруженных сил всех стран мира. Однако РККА в сентябре 1939 года располагала гораздо более эффективными механизмами предотвращения подобного рода явлений (в виде политических и особых отделов), чем, на пример, польская армия во время польско-советской войны 1920 года.

Уже этот пример показывает насколько ограничивает подход в категориях «освобождение – оккупация». В советской, затем и белорусской историографии – с одной стороны, и постсоциалистической польской – с другой, как своеобразная компенсация прежних обид и недоверия, возникли в значительной мере идеологизированные исторические концепции событий этого периода. Даже для польской исторической науки, которая на сегодняшний день, пожалуй, максимально широко использует источники различного происхождения, характерна определенная тенденциозность. Так советские источники используются скорее не для верификации польских воспоминаний, а для усиления видения событий с точки зрения авторов воспоминаний. То есть, за редким исключением, не предпринимается попыток подтвердить данные о преступлениях против польского населения, содержащиеся в реляциях и воспоминаниях с помощью советских документов, а наоборот максимально расширяется география и всеобщность подобного рода негативных явлений. Безусловно, верификация каждого факта вряд ли возможна, однако в виду значимости этого периода для всех народов региона, стремиться к этому необходимо.

Трудно говорить, насколько эффективной была профилактика подобных явлений со стороны многочисленных советских силовых органов. Их действия всегда соответствовали политической линии, проводимой коммунистической партией. В свою очередь, осенью 1939 г. партийное руководство БССР, возможно, не имело четкого представления, что делать с отдельными категориями населения, и корректировало свою политику, исходя из сложившейся ситуации. В этом отношении показательны рассуждения по поводу осадников на состоявшемся 4 октября 1939 г. в Волковыске совещании председателей Временных управлений Западной Беларуси [временные органы советской власти – С. С.]. Так секретарь КП(б)Б П. Пономаренко, резюмируя вопрос об осадниках, заключил: „Осадник – более или менее устоявшаяся категория... В отношении этих осадников, что нужно сказать – если крестьяне дадут им в морду, мы возражать не будем, но произвола мы допускать не будем. Другое дело в отношении осадников, которые имели

40–60 и более гектаров земли, никогда не работали, жили за счёт крестьянского труда и если этих осадников крестьяне потребушат, пускай себе на здоровье делают. Ничего плохого от этого не будет. Крестьяне достаточно натерпелись от этих мерзавцев, но смотрите, чтоб под эту категорию не попал какой-нибудь бедняк-поляк, чтоб его не приравнивали к осаднику. Человек сам голодал. Тут нужно предотвратить произвол. А такие случаи могут быть, потому что поляки культивировали национальное чувство. Поляки ничего не имели даже, а гонор имели” [22, л. 16].

С одной стороны, можно допустить, что действия советской власти были политикой двойных стандартов, которая позволяла совершить грязную работу чужими руками и при этом найти виновных. С другой, логично возразить, что таким было классовое понимание советским руководством социальной революции, которая, по их мнению, тут происходила. И в меру своего понимания партийное руководство республики пыталось обозначить своим подчинённым, какие силы являются движущей силой этой революции, и в какой мере они является союзником новой власти, а также предостеречь от „перегибов”. В любом случае данная политика была прагматичной. Все понимали, что необходимо открыть „социальный клапан”, чтобы снизить напряжение, накопившееся за долгие годы у большинства населения региона, в противном случае это могло вызвать недовольство новым режимом. Вместе с тем, необходимо было удержать ситуацию под контролем и не допустить полной анархии, что также вряд ли способствовало формированию положительного образа советской власти.

Естественно, особое внимание уделялось и противоправным действиям со стороны польского населения. Практически в каждом спецсообщении в период выборов в Народное Собрание Западной Беларуси содержатся замечания о поведении, прежде всего польского населения в ходе избирательной кампании, и выдержки из антисоветских, пропольских надписей на бюллетенях для голосования, что зафиксировано практически во всем регионе.

Под особым контролем оказывались факты активного сопротивления, вооружённые акции. Исходя из утверждения о том, что польская армия разбита, все польские военные и военизированные формирования классифицировались как „банды”. Фиксирование действий „банд” и операций по их уничтожению было первостепенной задачей армии и спецслужб СССР. Здесь можно увидеть аналогии с тем, как об этих событиях вспоминали поляки. Так, в одном из спецсообщений отмечалось, что были задержаны двое польских помещиков, которые в сентябре 1939 г. „совместно с бандой

польских солдат, вооружённые винтовками и бомбами, ворвались в местечко Тростяны Белостоцкого уезда, где произвели грабежи и погромы еврейского населения". Задержанные призывали к расправе над большевиками и евреями: „бейте евреев за Гродно, Скидель, пора рассчитаться с ними, долой коммунистов, вырежем всех евреев" [20, лл. 101,102]. В данном случае действия задержанных рассматривались в категориях контрреволюционной деятельности.

В целом можно утверждать, что как в польских, так и в советских документах отражены те же события и процессы осени 1939 г. Более того, в ряде случаев возникает ощущение если не идентичности, то значительной схожести их восприятия. Расходясь в общей оценке политических преобразований, касающейся смены государственного устройства, выборов в органы представительной власти, позиции сторон сближаются по мере того, как рассматриваемые проблемы становятся менее абстрактными (государственность, свобода) и вплотную касаются бытовых вопросов (условий жизни населения). Практически одинакова трактовка убийств, грабежей, оцениваемых как бесконтрольные и массовые. Отличие состоит в том, что для поляков эти явления представляли собой непрерывную цепь преследований, закономерно вылившихся в массовые депортации. Советская власть, в свою очередь, рассматривала многие из этих фактов как противоправные и несоответствующие духу революционной законности, хотя и отделяла их от „законных" репрессий. Подобную близость можно наблюдать также при оценке нерассмотренной здесь экономической ситуации. Значительная часть советских документов, особенно в начальный период установления новой власти на этой территории, посвящена плачевному материальному положению в регионе и постоянно ухудшающейся экономической ситуации. При этом далеко не всегда в этом обвиняли „польских шпионов", нередко оценки сводились к „присчётам" советского партийно-хозяйственного актива.

Принципиально различной, однако, была общая оценка динамики развития внутривнутриполитических и социально-экономических процессов в регионе. Так, в советских документах обстановка оценивалась в категориях классовой борьбы и в некоторых случаях характеризовалась медленным, но неуклонным снижением количества негативных проявлений во всех сферах жизни общества. Со стороны поляков отмечена столь же неуклонная динамика роста этих негативных явлений, причём направленных, в первую очередь, против всего польского населения.

BIBLIOGRAFIA

1. Archiwum Wschodnie w Warszawie. Zbiór relacji i analiz w ujęciu powiatowym dla sowieckiej strefy okupacyjnej 1939–1941 z zasobów Instytutu Hoovera w Stanford (kopije) (AW-HI). Województwo Wileńskie, powiat Dzisna, 31.184.
2. Ibidem, Województwo Białostockie, powiat Łomża, 92.168.
3. Ibidem, Województwo Białostockie, powiat Szczuczyn, 99.172.
4. Ibidem, Województwo Białostockie, powiat Augustów, 102.170.
5. Ibidem, Województwo Poleskie, powiat i miasto Pińsk, 130.162.
6. Ibidem, Województwo Poleskie. Powiat Pińsk, 131/165.
7. Ibidem, Województwo Poleskie. Powiat Prużany. 135/168.
8. Ibidem, Województwo Poleskie, powiat i miasto Brześć nad Bugiem, 138.163.
9. Ibidem, Województwo Poleskie, powiat Kamień Kaszyński, 143.164.
10. Bitwa września 1939 roku. Materiały z VI seminarium historyków polskich działań obronnych 1939 roku (Koszalin 1989), cz. 1, Koszalin 1993.
11. Bitwa września 1939 roku. s. 137; Wojna obronna Polski. 1939. Wybór źródeł, Warszawa 1968.
12. Gross J. T., Studium zniewolenia. Wybory październikowe 22.IX.1939, Kraków 1999.
13. Kierska H., Kedy kazachski step... Dziennik deportowanej. 1939–1946, Wrocław 1996.
14. Lipińska G., Jeśli zapomne o nich... Warszawa 1990.
15. Szawłowski R., („Karol Liszewski”) Wojna polsko-sowiecka 1939. Tło polityczne, prawnomiędzynarodowe i psychologiczne. Agresja sowiecka i polska obrona. Sowieckie zbrodnie wojenne przeciw ludzkości oraz zbrodnie ukraińskie, t. 2, [Dokumenty]. Warszawa 1997.
16. Zelińska-Kwiatkowska M., „Włosy wypadły mi zupełnie”. Wspomnienia Sybiraków, Warszawa 1991.
17. Z ziemi sowieckiej – z domu niewoli. Relacje, raporty, sprawozdania z londyńskiego archiwum profesora Stanisława Kota, Wybór i oprac. Gmitruk J., Hemmerling Z., Salkowski J., Warszawa 1995.
18. Национальный Архив Республики Беларусь (далее НАРБ). Фонд 4 II. Опись 21. Дело 1682. Спецсообщение начальника УНКВД по Белостокской области.
19. НАРБ. Ф. 4 II. Оп. 21. Д. 1739. Спецсообщение о недостатках в работе НВД и НВР.
20. Там же. Д. 1863. Оперативная сводка НКВД от 9.X.1939.
21. Государственный Архив Минской области. Фонд 664. Опись 1. Дело 1.
22. Там же. Д. 1748. Стенограмма совещания председателей временных управлений. Волковыск. 4.10.1939 г.
23. Еленская И. Документы Государственного Архива Брестской области. Характеристика источника.
24. Sowietyzacja i rusyfikacja północno-wschodnich ziem II Rzeczypospolitej (1939–1941). Studia i materiały, M. Gnatowski, D. Boćkowski (red. nauk.), Białystok 2003.